

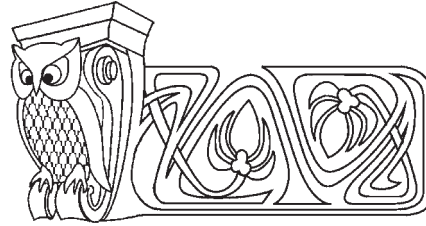


УДК 316:1

РИТУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ТАНЦА В МИФЕ КАК ПЕРВИЧНОЙ ФОРМЕ БЫТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Е. М. Сердешнов

Саратовский государственный университет
E-mail: serdeshnov@yandex.ru



Статья посвящена рассмотрению феномена социальной памяти в её социально-историческом становлении. Социально-философский анализ танца как феномена социальной памяти позволяет выявить генетическую взаимосвязь социальности и ритуального танца как важной мнемической формы мифа.

Ключевые слова: коллективная память, тотем, миф, ритуал, танец, коммуникация, социальная философия.

A Ritual Character of Dance in the Myth as a Primary form of Being Social Memory

E. M. Serdeshnov

The article considers the phenomenon of social memory in its socio-historical formation. Social-philosophical analysis of dance as a social phenomenon of memory reveals a genetic relationship of sociality and ritual dance as an important mnemonic form of the myth.

Key words: collective memory, totem, myth, ritual, dance, communication, social philosophy.

В современном мире всё отчетливее проявляются такие деструктивные тенденции, как распад коллективных ценностей, утрата идентичности. Общество, болезненно реагируя на эти явления, обращается к прошлому, к памяти. Исчезновение корней, разрушение традиций вызвали к жизни новые представления о механизмах памяти в жизни общества¹. «Когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти», – пишет А. Мегилл, упоминая о сегодняшней «мемориальной мании»². В данной работе мы обратимся к истокам становления социальности, анализируя их на примере ритуального танца в мифе как первичной форме бытия социальной памяти.

Рождение социальности фиксирует нетождественность человека и природы. Запас «прочности» бытия появляется в результате отношения к прошлому как социальной памяти, первым этапом которой был тотемизм. Рассматривая этапы исторической динамики социальной памяти, В. Б. Устьянцев считает, что в знаке-тотеме первобытная коллективность выражает своё происхождение, образуется прообраз усложненных форм идентичности. Более универсальной формой становится миф. Исследователь отмечает, что «духовная матрица тотемно-магической памяти

становится важнейшим средством приобщения человеческого существа к коллективным человеческим нормам. Привлекая для этих целей самые различные мнемические вехи – ритуальные танцы, магические обряды и другие магические действия, древний человек все дальше отдалялся от животных инстинктов, становился общественным существом»³.

Жизнь первобытного человека органически включена в природные космические ритмы, поэтому она отчетливо подразделяется на дневную и ночную. День – это время господства практического сознания, дневная жизнь проходит в мире рациональной деятельности; для первобытного человека она более или менее понятна и поэтому относительно безопасна. Ночная темнота – время тревоги, одиночества, сомнения, иррационального страха (и страха смерти в том числе). Темнота воспринимается как переход из «своего» мира в потусторонний. Опыт освоения опасной области, преодоления трудностей стал тем психологическим и социальным механизмом, который помог адаптироваться к неизвестному, полному опасностей ночному миру. Опыт этот ценился, сохранялся и передавался через миф. Соединя реальное и сакральное, миф позволил «приручить» ночной страх, объяснить непонятное, найти смысл и причину его появления с помощью привычных образов. Так выстраивается следующий смысловой ряд – *память, воображение, воскрешение*⁴.

Традиционная модель мифологии выражена в учении об эйдосах Платона. Она представляет собой идею «воспоминания» и связанные с ней – потустороннего мира, бессмертной души, некогда воочию созерцавшей вечные эйдосы, а ныне, находясь в земной оболочке, смутно о них припоминающей⁵. «Воспоминание» в данной модели, по мнению А. Ф. Лосева, основано на символическом понимании, поскольку вся действительность воспринимается как отражение вечных идей⁶. Миф может рассматриваться как обосновывающая история, воссозданная воспоминанием, которую рассказывают, чтобы объяснить происхождение настоящего⁷. Будучи первым историческим типом мировоззрения, миф



воспроизводит исходную потребность людей в единстве человеческого сообщества как непрерывном условии существования. Миф о «начале» является носителем и хранителем социально значимой информации. И наоборот, «социальные отношения выступают хранителями социальной памяти в том смысле, что именно они продуцируют определённые ценностные установки, способствующие переработке индивидуального опыта в социально значимую информацию»⁸. С усложнением родовых форм жизни возникает новая информационная матрица социальной памяти – мифологическая память.

Способность древнего человека к устной речи была ограничена. До тех пор, пока чувства не облакаются в слова, человек, подобно всем приматам, привлекает внимание к своему настроению с помощью лимбической системы. Древний человек не скажет «мне страшно», но он наглядно покажет, что испуган. Реакции, связанные с гневом, страхом, голодом, сексуальным желанием, берут своё начало в эволюционно древней подобласти в структуре мозга – эмоциональном центре, который первобытный человек использовал гораздо шире, чем современный. Он имеется у всех позвоночных, в том числе и у человека. Именно отсюда получают импульсы эмоции, сопутствующие этим реакциям и требующие выхода вовне⁹. Возникает потребность в новых средствах общения. До появления речи и письменности люди могли общаться друг с другом и окружающим их миром лишь с помощью жеста, мимики, междометий, телодвижений. Таким образом, язык тела можно считать одним из первых коммуникативных средств первобытного человека: «Не только язык служит мостом между одним человеком и другим, но и всякий вообще взгляд, нажим, жест...»¹⁰

Согласно гипотезе Н. Я. Марра о древнем языке жестов, танец понимается как телесный язык, средство коммуникации, возникшее у человека из потребности в общении. Источником танца является исторически первая форма языка – «всеобщий телесный жест», способный выполнять одну из основных функций языка – хранение и передачу системы ценностей общества¹¹. В первобытном танце язык тела являлся высшей формой выражения внутреннего опыта, поиска, единства с собой и божественным началом. Находясь в единстве с природой, первобытный человек через собственное тело воспринимал, проживал, выражал планетарные и космические ритмы, с помощью обрядов и ритуалов входил в контакт с высшими духовными силами, ощущая себя при этом частью космоса. Основной темой ритуалов является творение мира, установление различного рода правил и схем и, в первую очередь, – систем родства и брачных отношений¹². Воспроизведение в ритуале акта творения актуализирует саму структуру бытия,

придавая ей символичность и семиотичность, и служит гарантией безопасности и процветания рода¹³.

Как часть ритуала танец становится средством общения с высшими духовными силами, носителем и хранителем священных правил, табу и запретов, приобретая сакральный смысл. Отношение к танцу священное, важен не только танец, но и его происхождение, т. е. миф, рассказывающий о том, как он осуществлялся в первый раз. «Мы снова будем танцевать в утрашение демонам. Если мы не знаем, откуда идет танец, не будем об этом говорить. Если нам неизвестно происхождение танца, нельзя его исполнять»¹⁴. Миф и танец имеют родственную психологическую связь, поскольку танец помогает выразить то эмоциональное состояние, которое соответствует определённому мифологическому образу¹⁵. С помощью рисунка танца, с помощью движений и жестов, соответствующих тому или иному божеству, древние люди сообщая воскрешали в памяти священные для них мифические персонажи или события. Для культуры, которая основывается на запоминании и припоминании, первостепенное значение имеют мнемонические знаки¹⁶ и символы, которые образуют своего рода мнемоническую решётку. Различные мнемонические средства (в том числе ритм, звук, мелодия), перебрасывая «мостики» между различными элементами культуры, связывают и организуют её¹⁷.

Память первобытного человека была ориентирована в основном на воспроизведение уже имеющейся информации. Для увеличения её объёма, включения новой информации необходимы были специальные семиотические средства фиксации и хранения. Благодаря своей ритмической основе танец, таким образом, может рассматриваться как мнемоническое средство, позволяющее первобытному человеку сохранять, воспроизводить и расширять объём информации. Определённые виды танцев благодаря своей ритмической основе могли бы усиливать кульминационные точки ритуала, образуя тем самым мнемоническую решётку. Ницше, указывая на особую роль ритма и танца, пишет: «Даже мудрейший из нас оказывается при случае в дураках у ритма, хотя бы уже в том одном, что мысль ощущается им более истинной, когда она обладает метрической формой и приходит с божественным приплясом»¹⁸.

В первобытном обществе существовали различные виды танца – охотничьи, военные, тотемные, обрядовые. Поводы к танцам и их сюжеты диктовались самой жизнью. Среди первобытных танцев преобладали ритуальные, военные. Они были своеобразной репетицией ожидаемых событий, в которой оттачивалось военное мастерство, достигалась необходимая внутренняя концентрация. Д. Фрезер отмечает, что танец вселял в во-



инов силу, придавал им мужество и сопутствовал удаче¹⁹. Существовало также разделение танца по гендерному признаку: например, женщины исполняли ритуальные танцы возрождения животных, плодородия, танцы змей, птиц, мужчины – тотемические, охотничьи и военные танцы. Женский обрядовый танец состоял из различных колебательных и вращательных движений бедрами, животом и всем телом, при этом ноги почти не отрывались от земли. Основу мужских танцев составляли высокие прыжки, удары ног о землю и движения, аналогичные *coitus*²⁰.

Ритуальный танец служил тем организованным и «огороженным» пространством, где под присмотром возвратившихся из нижнего мира предков совершалось магическое соединение женского и мужского. Там происходило пересечение пространства и времени, возврат в нулевое время и начальное пространство для совершения обрядов, направленных на непрерывное возобновление жизни. Это – центр, требующий многократно усиленной сексуальности как наглядного утверждения жизни и ее воспроизводства во всем благополучии. Воспроизводство жизни людей и животных представлялось реально достижимым через магию искусства. Танец являлся неизменным атрибутом различных празднеств, в которых особое значение здесь имел тотем. Облачаясь в шкуры тотемных животных, люди подражали их действиям. Во время исполнения тотемических плясок возникало чувство единства, идентичности членов данной группы с животными тотемного вида²¹. Одна из функций праздника – воскрешение в памяти прошлого, где обосновывается идентичность группы, которая вспоминает. Группа сохраняет свою идентичность только благодаря памяти. Основу групповой памяти составляет комплекс знаний, обеспечивающих идентичность, объективированных в символических формах: мифах, законах, орнаментах, скульптурах и, конечно, танцах. Совершая в очередной раз обряд по строго установленным правилам, группа как бы возвращается к определённым этапным событиям, таким образом, создаётся представление о временном круговращении. Я. Ассман называет это «принудительностью повторения»²².

Ритуальный танец – это остановка времени, возвращение и реактуализация социального опыта первичной формы солидарности. Вот почему человек очень рано создаёт специальное ритуальное пространство как символ охранно-ограничительной модели вселенной. Таким символом уже с каменного века становится круг или овал – то пространство, которое мыслилось упорядоченным, доступным обозрению и подконтрольным, тогда как за его пределами простиралась область хаоса, неизвестности, тьмы. Эта модель нашла свое выражение в круглой (хороводной) форме

ритуального танца, а также палеолитического жилища, изображения которого сохранились на стенах пещер Франции и Испании (Фон-де-Гом, Бернифаль, Кастиль, Ля-Мут, Альтамира). Эти изображения, получившие название «тектиформы», относят к группе знаков, обозначающих женское начало, внутреннее защищенное пространство, обжитой человеком мир, за пределами которого находится мир враждебный, населенный дикими животными и духами.

На протяжении всей человеческой жизни танец был неотъемлемой её частью. Как сложный социокультурный многофункциональный феномен он и сейчас находится в центре внимания многих исследователей. Древние очень слабо расчленили искусство и ремесло, искусство и умственную деятельность, науку, или «мудрость», как её называли греки. В этой связи А. Ф. Лосев цитирует Анаксагора: «Мы пользуемся своим собственным опытом (*empeiriai*), памятью, мудростью (*sophiai*) и искусством (*technai*) и [таким образом] вынимаем мед из ульев, доим и всяческими способами берем <...> все [полезное для нас]»²³. Разумеется, танец не может претендовать на некую универсальную интерпретацию всех сторон человеческой жизни. Но все же, благодаря особой пластике и выразительности, он глубоко волнует, восхищает человека и в силу воплощенной образной специфики выступает общепонятным средством общения, обеспечивающим трансляцию и аккумуляцию культурных кодов. Не случайно А. В. Амашукели полагает, что «историческое изменение взгляда на танец связано с изменением взгляда на реальность, так как танец – это часть бытия...»²⁴ Танец даёт возможность описать бытие человека при помощи языка телодвижений, являясь универсальным коммуникативным средством, понятным людям всех возрастов и социальных групп. Только танец сближает нас с жизнью, – считает А. де Сент-Экзюпери: «Танец – судьба, танец – жизненный путь»²⁵. Философский анализ социальной памяти в её историческом становлении позволяет выявить генетическое единство социальности и ритуального танца как важнейшей мнемической формы мифа.

Примечания

- ¹ См.: Романовская Е. В. Память и забвение в жизни общества. Саратов, 2011. С. 48–49.
- ² Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 138.
- ³ Устьянцев В. Б. Социальная память : этапы исторической динамики // Ученые зап. : сб. науч. тр. Вып. 8. Саратов, 2012. С. 100–101.
- ⁴ См.: Ломако О. М. Генеалогия воспитания : Философско-педагогическая антропология. СПб., 2003. С. 215, 221.



- ⁵ См.: Платон. Филеб : в 3 т. СПб., 2007. Т. 3. С. 46
- ⁶ См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. Т. 2. Софисты. Сократ. Платон, М., 2000. С. 534.
- ⁷ См.: Ассман Я. Культурная память. М., 2004. С. 55.
- ⁸ Аникин Д. А. Социальная память в свете информационного подхода // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2007. № 12. С. 166.
- ⁹ См.: Krantz G. S. Brain Size and Hunting Ability in Earliest Man // Current Anthropology. 1969. Vol. 9, № 8. P. 450–451.
- ¹⁰ Ницше Ф. Весёлая наука : соч. в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 675.
- ¹¹ Луговая Е. К. Танец как язык и миф // Вестн. МГУ. Сер. 6. 1991. № 3. С. 54–57.
- ¹² См.: Байбурина А. К. Ритуал в традиционной культуре // Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 12.
- ¹³ См.: Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982. С. 16.
- ¹⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996. С. 27.
- ¹⁵ См.: Морина Л. П. Ритуальный танец и миф // Религия и нравственность в секулярном мире / Материалы науч. конф. Санкт-Петербург. 28–30 ноября 2001 г. СПб., 2001. С. 123–124.
- ¹⁶ См.: Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культуры // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 10–11.
- ¹⁷ См.: Байбурина А. К. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁸ Ницше Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 564–565.
- ¹⁹ См.: Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1986. С. 33.
- ²⁰ См.: Козлов В. В., Гиришон А. Е., Веремеенко Н. И. Интегративная танцевально-двигательная терапия. СПб., 2006. С. 22–23.
- ²¹ См.: Семенов Ю. И. Тотемизм, первобытная мифология и первобытная религия // Скепсис. 2005. № 3/4. С. 74–78.
- ²² См.: Ассман Я. Указ. соч. С. 95–96.
- ²³ Лосев А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 351.
- ²⁴ Амашукели А. В. Эстетика танца // Эстетика в интерпарадигмальном пространстве : перспективы нового века / Материалы науч. конф. Санкт-Петербург, 10 октября 2001 г. СПб., 2001. С. 10–13.
- ²⁵ Сент-Экзюпери А. Цитадель. М., 2003. С. 79.

УДК 37.01

СПЕЦИФИКА ГУМАНИТАРНОЙ ПАРАДИГМЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Е. В. Тяглова

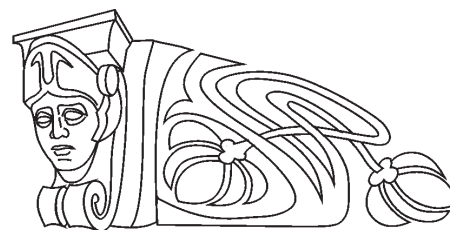
Волгоградская государственная академия физической культуры
E-mail: tiaglova@mail.ru

Статья посвящена специфике гуманитарной парадигмы в исследовании профессионального мировоззрения специалиста в области физической культуры и спорта. Формирование профессионального мировоззрения специалиста в области физической культуры и спорта предполагает образование функциональной системы на основе ценностей физической культуры: здоровья, тела, движения, которые будут выражаться во всех сферах бытия. **Ключевые слова:** гуманитарность, профессионализм, мировоззрение, система, ценности.

Specific Character of Humanitarian Paradigm in the Study of Professional World View of Expert in the Field of Physical Culture and Sports

E. V. Tyaglova

This article is dedicated to specific humanitarian paradigm in the study of professional ideology of expert in physical culture and sports. The



forming of professional ideology of expert in physical culture and sports supposes the formation of a functional system based on values of physical activities: health, body, movement, which will be shown in all spheres of life.

Key words: humanitarian, professionalism, world view, system.

В последние годы вопрос о педагогических парадигмах (как о самом понятии, так и о количестве парадигм и их содержательных характеристиках) является одним из важнейших предметов обсуждения среди учёных-педагогов. Согласно точке зрения Т. Куна, под парадигмами понимаются «признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»¹. Он же утверждает: «Парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества, – вся совокупность убеждений,